

ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ

A sepia-toned photograph of a river valley. In the background, there are two large, rounded mountains. The middle ground is filled with a dense forest of evergreen trees. A river flows through the valley, and a small boat with a white wake is visible on the water. The foreground shows the dark, silhouetted branches of evergreen trees on the left and a piece of driftwood in the center.

ИСТОКИ

Марфа
Московская

Марфа Московская
Золотоискатель. Истоки

«Издательские решения»

Московская М.

Золотоискатель. Истоки / М. Московская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839742-4

Историко-приключенческая повесть «Золотоискатель» написана на основе дневника офицера Николая Аносова, искавшего золото и славу во времена Императора Александра II. Значимые исторические факты и лица в ней реальны. Книга уведет вас в середину 19 века, эпоху освоения Дальнего Востока и Приамурья. Скучная жизнь молодого офицера, находившегося в тени славы своего отца, была предрешена. Но однажды случай круто повернет его судьбу. Что ждет честолюбивого искателя золота: триумф или крушение?..

ISBN 978-5-44-839742-4

© Московская М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Муравьев	8
«Аргунь»	16
Сибирь	21
Море	28
Удский острог	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Золотоискатель Истоки

Марфа Московская

Дизайнер обложки Марфа Московская

Иллюстратор Николай Павлович Аносов

Иллюстратор Станислав Евгеньевич Вронский

© Марфа Московская, 2017

© Марфа Московская, дизайн обложки, 2017

© Николай Павлович Аносов, иллюстрации, 2017

© Станислав Евгеньевич Вронский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9742-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

История этой книги удивительна, как и сам герой, Андрей Громов, прототипом которого стал реальный человек – сын известнейшего в царские времена дворянина Павла Аносова, горного инженера, исследователя Урала и основоположника учения о стали – металлографии.

Николай Аносов родился в 1833 году, и его таежные экспедиции прошли задолго до героических историй по «золотому» освоению Сибири, имевших место после революции. А так же до известных путешествий Арсеньева и Федосеева, которые еще не родились, когда Аносов делал свои первые таежные шаги. Гордая и самостоятельная, романтическая душа молодого офицера требовала самореализации, славы и богатства. Но ему был уготован обыденный путь инженера-металлурга, так как сыновья привычно идут по стопам своих отцов, которые хотят видеть в них свое продолжение...

Никто не узнал бы эту историю, но однажды я нашла в архивах нашего рода записанные его рукой дневники. Мой прапрадед по маминой линии Александр Николаевич Томилов дружил с Аносовым, который часто заезжал в дом нашей семьи на улице Чехова, в Петербурге. Еще юным кадетом Николай нередко гостил у нашей родственницы. Незадолго до смерти он передал в дар Томиловым, прямым потомком которых я являюсь, автобиографическую рукопись, записанную им на даче в Павловске в 1880-ых годах. Судя по всему, Николай Павлович обладал феноменальной памятью, помня массу мелких подробностей о своей юности и экспедиционных изысканиях. Этим дневником он как бы подводил черту своей жизни и заслуг, потому что через десять лет скончался. Возможно, здоровье Аносова подорвала тяжелая походная планида, а, может быть, человеческая несправедливость, которая разрушила его жизнь на две части. Уже в зрелом возрасте, за исключительные заслуги в открытии месторождений рассыпного золота, Николай был удостоен чинов и званий. Однако мало кто знал, что ему стоило добыть свою славу! Личные переживания, удивительные знакомства, душевные сомнения и трудности таежных дорог автор оставил в дневнике, который был отдан моим предкам, а не прямым наследникам, уехавшим за границу. Очевидно, он хотел оставить память о себе именно России, которую любил, и которой служил до конца...

И вот, спустя почти 150 лет, его дневник, хоть и в художественной обработке, увидел свет. Эта книга открывает тяжелую, но безумно интересную часть его жизни: путешествия и поиск золота. Так родился офицер Громов, потому что в моей истории есть творческий вымысел, и я не имела права исказить судьбу настоящего героя. Но я поставила своей целью не отступать от большинства записанных фактов и даже диалогов, поэтому повесть имеет честный исторический вес. А известные лица, упомянутые в книге, встанут рядом с читателем, словно живые: Муравьев, который потом стал Амурским, Корсаков, Невельский, Буссе, Козакевич, Бенардаки и другие – высокие и малые чины, связанные с освоением Забайкалья, Сибири, Амура, а так же с сибирским золотым делом... И однажды именами некоторых из них благодарные потомки назовут поселки, порты, реки и города!

Изложенные в книге исторические события, экспедиции, разговоры с известными лицами и туземцами имели место в реальности. Мне не понадобилось придумывать молодость своего героя: детали переездов и тяжелых походов, общение с чинами, метания души и тонкости поиска золота взяты из рукописи. Я узнала много интересного о золотом деле, работая над книгой, хотя мне долго пришлось разбирать чернильные строки первопроходца, как и всю его судьбу. И лишь когда я прочла все до конца, то поняла, что напишу книгу, чтобы потомки знали и чтити таежный подвиг одинокого рыцаря долга.

Интересная и завидная, полная приключений жизнь выпускника Горного кадетского Корпуса покажется моим юным современникам вымыслом. Но ничего подобного, в книге только правда... Читая дневник, я была поражена упорством, выносливостью, смекалкой

и невероятным честолюбием питерского дворянина. Романтик и творчески мыслящий упрямец, отодвинувший все, что занимало офицеров в его годы, он полностью отдал свою молодость открытию золотого запаса, для процветания царской России и воплощения своей мечты. В этой книге есть все: опасности и лишения, суровость и красота таежных переходов, тяжелая работа и находки, болезни и смерти, триумфы и предательства... Мне почти ничего не пришлось выдумывать, потому что жизнь сама оказалась невероятной выдумщицей, хитро сплетая судьбы людей. Громов, который в трепетной душе всегда оставался ребенком и любил выдумывать сказки, прожил полную трудностей реальную жизнь.

Так получилось, что я тоже путешествовала по некоторым местам, где скитался герой, знакома с минералогией, и не понаслышке знаю о реальности вещих снов. Мне довелось бродить по Алтаю, Прибайкалью, Якутии, Магаданскому краю, Приамурью и Сахалину. Поэтому я неплохо знаю тему, описывая места, где неутомимый и самоотверженный офицер Его Величества искал золото и славу.

Но у золота и славы есть обратная сторона...

В книге много зарисовок и карто-схем из дневника, а так же и другие картины, которые ранее нигде не публиковались: самого Николая Аносова и ссыльного польского художника Станислава Вронского, иллюстрировавшего его Средне-Амурские и Ниманские экспедиции в 1870-ых годах. Картины любезно предоставлены для книги женой прямого наследника рода Аносовых, Ириной Михайловной Яковлевой.

*Светлой памяти Николая Аносова,
царского офицера, который первым
открыл для России золото в Амурском крае*

Муравьев

– Андрей Николаевич! Ох, ну постойте же, наконец... Разрешите вас поздравить с блестящим окончанием! – пожилая хозяйка дома, где я снимал квартиру, с трудом догнала меня на лестнице. Она смущенно протянула мне конверт, украшенный розовым удалым амурчиком в углу. Его улыбочивая мордашка никак не вязалась с мрачным видом темного петербургского подъезда и моим настроением.

– Что это? – растерялся я.

– Маленький подарок от нашей семьи... Ну же, не смотрите на меня так! Я знаю, вы гордый, но матушка ваша сейчас далеко, и живете вы скромно. А так хочется, наверное, посидеть с друзьями, угостить даму сердца? О, ведь вы же такой красавчик! – женщина игриво, как ей казалось, подмигнула, отчего я залился краской и лишь буркнул что-то в ответ.

– Держите. Столь важное событие просто необходимо отметить! Тут недалеко открыли славную кофейню.

– Нет, что вы, не нужно... – я попятился и чуть не полетел с лестницы.

– Ну-ну, не упрямитесь. Такие деньги на дороге не валяются.

Я понял, что просто так не отделаюсь от доброжелательной старушки, и с улыбкой забрал конверт из дрожащих рук. В конце концов, видно, что это от чистого сердца.

– Благодарю премного, Анна Рудольфовна! Конечно же, вы правы. Непременно соберемся в кофейне.

На улице я поспешно вскрыл конверт – там лежало три десятирублевых ассигнации. Не густо, но хорошо поесть и выпить можно, отчего же нет...

Ни друзей, ни дамы сердца у меня не было. Да и не пускали женщин в трактир на Литейном, куда я направил свои стопы. Пузатый хозяин, купец второй гильдии Михеев, лично встречавший посетителей, с сомнением пропустил невысокого худого юношу внутрь. И хотя одет я был вполне прилично, у преуспевающих людей, очевидно, просто нюх на неудачников. Забившись в угол, словно незваный гость на чужом празднике, я решил проесть все деньги, свалившиеся с неба. Гулять, так гулять... Пропадай оно все!

Жизнь вокруг кипела, весело ржали бильярдисты в соседней зале, а радость ко мне не приходила... Я уныло вертел за тонкую ножку бокал, с давно испустившим дух шампанским. Хмель не брал меня, погруженного в думы. Последний год Горного Корпуса закончился, экзамены сданы, и что же теперь? Все известно заранее: мой отец был обласканным судьбою металлургом, но погиб. Моя матушка живет сейчас в Барнауле, и я должен ехать на Алтайские заводы, чтобы сгнить там инженером...

За соседним столиком шумела компания из четверых добротнo одетых мужчин. Они нещадно курили, был слышен запах дорогих сигар и звон посуды, половой летал по зале, как мокрый аист, то и дело поднося водку в графинах и закуску. До меня доносились реплики, не оставлявшие сомнений в том, чем занимались эти богатые господа: «...золотишко-то дрянное... приказчик-ворюга, урезал ему попудные...» «...а я говорю, отводы пустые... пласт мимо пошел!»

Я отчаянно завидовал их вольной интересной жизни, независимости и уверенности в себе. Отчего же не быть хозяином судьбы, если имеешь кучу денег?...

Наконец, подали свинину с грибами. Пока я расковыривал жаркое острой тяжелой вилкой, над ухом неожиданно раздался зычный бас:

– ...Громов! Душа моя!

На стул рядом со мной тяжело бухнулся один из гуляк. Я с удивлением узнал в нем папного приятеля, крупного сибирского золотопромышленника Федора Архарова. Он был сильно навеселе, дышал чесноком и перегаром, но я почтительно поздоровался и спросил, что занесло его в наши края.

Архаров охотно загудел:

– Дела, дорогой мой, дела, что ж еще? А это мои партнеры! – махнул он рукой в сторону шумного стола. – Я к вам всего на неделю, и вот тебе *на!* Какая встреча! Люблю это место, готовят отменно, и шары можно погонять. Громов, голубчик ты мой... О-оо, поздравляю с окончанием. Хорошее дело... Новая, значит, жизнь наступает? Знаешь, я любил твоего отца... Что? Да, бывал и на Алтайских заводах... Карьеры ты там не сделаешь, это точно. Приедешь со свежей головой и хорошими познаниями, а толку не будет. Давай, выпей. Что такой смурной? Ну, хоть за отца, давай! Умнейший и полезнейший был человек, жаль, помер...

...Я покорно отхлебнул из бокала. Папа умер несколько лет назад. Я не слишком ладил с ним, но неожиданная смерть близкого человека потрясла меня... Сибирь разом отняла все, что дала – он слег, смертельно простудившись зимою в степи, когда карьера его была в зените, но что судьбе чины и заслуги? Матан осталась с кучей детей на руках, пенсии на жизнь не хватало, и скоро мы начали бедствовать...

Мысли о смерти и долге перед семьей камнем повисли в моей груди, однако золотой делец не дал мне погрузиться в хандру, тараторя без остановки:

– ...эх, послушай меня, Андрей Николаевич! Человек ты бойкий, умный, но пройдет год-два, и войдешь ты в общую колею, как мерин, будешь тянуть свои дни в рутине. Потом женишься, дети пойдут, и не станет тебе никакого выхода...

Я рассеянно слушал и дивился разумным мыслям старика. Действительно, не будет выхода. Как сильно я ждал окончания учения, чтоб скорей началась самостоятельная жизнь! А, выходит, надо было наслаждаться прошлым, дальше все будет только хуже. Увязну по уши в предписанном жизнью болоте. Ради чего я живу? Чтобы через пару лет прибить себя гвоздями к семейному дереву?... Отец мой, правда, добился многого, но не сразу... Работал он всю жизнь, как вол. Нарожал девять детей, состарился, заболел и умер... Вот и все! Правда, именно благодаря ему подсел ко мне сейчас этот человек. Может быть, это Судьба?... Старая и пузатая... Зато сколько у него денег! Интересно, зачем старикам такое богатство. Несправедливо. Господи, неужели когда-то и я стану подобен тем немощам, что стадами бродят в теплые вечера по бульварам, держась за молоденьких барышень?

...Шумный красный нос Архарова навис надо мной, а тяжелая лапища доброжелательно легла на плечо. Я вздрогнул – до немощи этому господину было еще далеко.

– Ну, о чем задумался? Послушай, что я тебе скажу... Нынче в Восточной Сибири губернатором сел граф Муравьев, человек свежий, энергичный, и край новый, захочешь работать – работа найдется! У меня там откупа, и он ко мне благоволит...

– Федор Пантелеич, куда же ты запропал?! – обиженно возопили с соседнего стола.

– Иду уже! Черти... Хочешь, переговорю за тебя? Будущность Востока большая, говорят, и Амур скоро будут брать. Ну как, согласен?

– Был бы премного благодарен, но... – совершенно растерялся я от лавины обрушившихся на меня новостей.

Но Архаров не заметил моего смущения, будто и вправду рука самой Судьбы вела его, чтобы перевернуть мою жизнь:

– Вот и договорились. Жди известий! Небось, проблемы с деньгами? А? – он весело заглянул мне в глаза. – Пока, ежели хочешь, поживи у моего брата, приглашаю. А теперь, голубчик, бывай... Выше голову!

...Оставшись один, я махом опрокинул в себя бокал и потребовал еще, так и не притронувшись еде. Свинина остыла. Какая, к черту, еда! Из-за туч мелькнул луч надежды!

В тот вечер я напился до умопомрачения, еле найдя дорогу домой. Всю ночь меня рвало впустую, выворачивая нутро. Но это была небольшая плата за удачу, Архаров оказался верен слову. Он переговорил с графом, и через неделю я, нервно переминаясь, уже стоял перед светлыми очами самого генерала Муравьева.

Граф выглядел отменно – это был высокий статный мужчина, при усах, с орлиным взором, прямым породистым носом, высоким лбом и ямкой на подбородке. На плечах гордо возлежали тяжелые генеральские эполеты, однако опущенные углы губ и глаз делали его красивое лицо немного усталым и печальным... Да и немудрено – столько всего пережил и сделал этот человек в своей жизни!

Дух мой немного стушевался перед силой и волей столь мощного знака на моем пути, но Николай Николаевич принял юного кадета приветливо, сказал, что хорошо знал моего отца, удивился моей молодости и тут же написал бумагу Министру, в которой просил зачислить меня в офицеры по производству. Я был в полном восторге. Как быстро и славно все решилось! Теперь, вместо скучного, грохочущего завода на Алтае, меня ждет загадочная, огромная и дикая страна под названием Восточная Сибирь!

Вскоре Муравьев уехал за границу и велел дожидаться его возвращения, а пока я был предоставлен самому себе, и начал готовиться к новой жизни. Через несколько дней в горном Корпусе состоялся выпускной вечер. Громадный конференц-зал заполнили собою шеренги стоящих во фронт кадетов и служащих. Все блестело и сверкало – паркет, пуговицы и глаза новоиспеченных офицеров... В конце зала, за большим столом, стоял директор корпуса Волков, окидывая взглядом ряды своих выпускников. По лицу его блуждала отеческая улыбка, смешанная с усталой грустью... Секретарь Ольховский громко зачитывал акты, выкрикивая поочередно кадетов для вручения наград и аттестатов. Пока шла торжественная церемония, я закрыл глаза и стал придумывать себе сказочную историю, дабы унять нервы и скоротать время. Представил, как будто я пришел в какой-то древний замок, а передо мной на троне сидит сам Король...

...Я зажмурился, а потом медленно открыл глаза. Передо мной сидел Король, который держал в руках меч, украшенный древними гравюрами. Длинная каменная зала была заполнена наряженными людьми, и звуки их голосов метались под сводами, словно летучие мыши... Все смотрели только на меня. Воздух был затхлый и холодный, а дым от многочисленных факелов слезил глаза. Я пал на одно колено, низко наклонив голову. Король с трудом встал, и на мое плечо легло тяжелое, холодное лезвие меча:

«...В рыцари!...»

Тело мое вдруг задрожало, из носа хлынула кровь, пол подо мною потемнел от странных ее узоров, а в голове зажужжали осы...

Неожиданно раздалось:

– ...воспитанник Громов Андрей Николаевич – в ручки!

Я вздрогнул, и у меня действительно пошла от волнения кровь. Прижав к носу платок, я чеканным шагом подошел к столу, поклонился членам Совета и получил свой аттестат. Спина вспотела, пока я шел назад, а ноги еле несли меня... Красная ковровая дорожка казалась началом чего-то большого, необыкновенного... Прощай, школьная доска, занудная латынь и скучные танцы! Теперь я сам себе голова.

После торжественной части лысый казначей выдал мне сто двадцать рублей на обмундирование, и с этим огромным капиталом я отправился в частный магазин, где купил себе офицерское платье. Оно повисло в шкафу до лучших времен, а пока, дожидаясь Мура-

вьева, я поступил на механический завод, чтобы набраться практических знаний по металлам. На завод, где всякий знал моего отца, меня взяли сразу и без лишних разговоров...

Зато остро встал вопрос о жилье. Мама поддержала мое решение переехать к родственникам Архарова, в роскошный дом, но мне было не по себе среди богатого блеска. Дни тянулись мутной вереницей, и душа жила ожиданием большего. Несмотря на молодость, эпoletы и массу свободного времени, мне не суждено было отдаться вихрю удовольствий, так как средств на это не хватало. Почти все деньги, освободившиеся от платы за жилье, отправлялись в Барнаул. Судьба не баловала меня и друзьями, поэтому я всегда находился один, предпочитая заниматься механикой. Каждый день пролетка везла меня на завод герцога Лихтенбергского, где я с удовольствием предавался делу, а потом возвращался в чужой дом, в свою пустую одинокую комнату...

Все вокруг говорили, что я хорош собою, и завидовали тонким чертам лица, но ужасная нерешительность мешала мне знакомиться с девушками. А они словно чувствовали это, и не проявляли явного интереса... Страх быть отвергнутым заранее гнал меня прочь. Да и что в них толку?... Сейчас не до романов! Хотя, рано или поздно, куда они денутся. Вот двое моих братьев, Павел и Сашка, очень похожи на меня, и тоже – хоть с лица воду пей, но матушка часто отчего-то повторяла: ох, Андрюшенька, совсем ты на своих братьев не похож...

В трудах и мечтах время текло незаметно, прошли лето и осень. Я изныл от ожидания, и вот, в один из хмурых зимних дней, в Петербург вернулся Муравьев. Он тут же вызвал меня и дал важное поручение – через три дня курьером лететь в Сибирь, на Петровский завод. Там отливались цилиндры для первого Дальневосточного парохода, которые я должен был осмотреть и сопроводить до места назначения. Стоит ли говорить, с каким нетерпением я дождался дня, когда веселая тройка помчала меня в мороз, навстречу приключениям и первому настоящему делу!

В открытой кибитке было ужасно холодно, но радость костром согревала мое сердце. Попутчиком оказался пьяница, который постоянно спал и зычно храпел, несмотря на снежную пыль, полностью покрывавшую его лицо и одежду. Иногда он сверкал в лучах яркой луны, будто странный ледяной божок... Спутник проспал Нижний и Казань, а дальше, слава Богу, я поехал один. Одному мне почему-то всегда было приятнее... Я дремал, или думал, и никто не мешал мне, ни единая душа, лишь напевал что-то под нос ямщик, и небо наблюдало за мной, то хмурясь, то усмехаясь.

Небо я больше любил ночное, когда можно разглядывать созвездия, и солнце не слепит взор. Звезды дружными стаями провожали меня, а я старался их тщательно запомнить, чтобы потом приветствовать по возвращению... Иногда я вел с ними мысленные диалоги, спрашивал – что ждет меня впереди? Так и ехали мы, в неслышных разговорах и полудреме... Но хуже всего бывало на рассвете, когда говорить уже не с кем, предутренний холод не дает спать, а глаза с натугой выискивают спасительный дымок ближайшей станции. Подкатишь, бывало, к такому пристанищу с надеждой, зубы стучат, а смотритель еще дрыхнет, сволочь, самовар холодный – и несешься дальше по перегону несогретый, чтобы времени не терять...

В Томске, где когда-то заправлял мой отец, я никого не знал, кроме богатого воротилы Асташева. Пришлось остановиться у него... Дом у Ивана Дмитриевича был барский, и приняли меня от души, но задерживаться я не стал, лишь только переночевал, и спешно полетел дальше на восток... Душа-то радостно полетела, зато тело застряло: прошли сильные бураны, и дорогу до Барнаула основательно завалило снегом. Пришлось пересечь на узкие пошевни. Наши лошади шли гусем, похрапывая от натуги и медленно мяся глубокий снег, верстами изводя меня неторопливостью дыхания... В итоге доехали мы лишь к рассвету четвертого дня, и дом тапал я отыскивал в темноте. Когда я вошел, все еще спали, но я не решился будить

домочадцев. Блаженно растянулся на диване в гостиной, у еще теплой печки, и тут же уснул, как мертвый...

Утром легкие поцелуи сестер привели меня в чувство... Я сразу понял, что наконец-то я дома, в кругу самых близких, хотя ютились они в старой съемной квартире. Все, что оставил отец, семья решила потратить на постройку собственного дома, которая длилась уже второй год. Поэтому жили мои женщины тесно и небогато, но как же все-таки было здесь хорошо... Я очень хотел им помочь, однако что могли значить несчастные триста рублей, выданные мне на дорогу! Тут нужны были многие тысячи...

Родные порхали надо мною весь день, и я, раздувшийся от важности, в офицерском параде, лениво отвечал на вопросы, или многозначительно помалкивал, чем вовсе обескураживал девочек. Лариска так вообще не отлипала, глаза ее жадно горели, она тоже очень хотела в Забайкалье... В этой веселой круговерти мрачные мысли о бедности ненадолго покинули меня.

Я уехал утром следующего дня, когда сестрички еще плавали в мире сновидений. Матушка не спала, и мы всю ночь проговорили с ней; она сидела в кресле, укрытая пестрым шерстяным пледом, сложив на коленях худые руки, и нежно глядела на меня... Я отдал ей почти все деньги, которые мне выдали. Кухарка до рассвета пекла мне на дорогу пироги, отчего квартира наполнилась ароматными до одури запахами – недокормленный долгой учебой, я то и дело сглатывал слюну.

Ну, вот, пора и честь знать. Мама крепко обняла меня на прощание, и я увидел в глазах ее слезы. Как только солнце появилось над заснеженными крышами города, скрипучие пошевни понесли меня дальше...

Экономя каждую копейку, я добрался до первого города Восточной Сибири – Ачинска. Отсюда начинался откуп Архарова, а у меня за пазухой лежало открытое письмо от него с просьбой всячески содействовать моим делам и передвижениям. Из Ачинска путь мой лег в Иркутск, где я, передав нужные бумаги губернатору, повидался с Петром Козакевичем, заведующим гаванью на реке Шилке, и поехал на Петровские заводы. Прибыл я ночью, но поспать мне не удалось – до утра пришлось штудировать в комнатухе разные книги, касающиеся пароходства, ведь я страшно боялся осрамиться... Начальник заводов, Оскар Дейхман, ждал меня на следующий день.

Утром я помылся, влез в парадную форму и отправился на присланных за мною парных санях, запряженных серыми толстыми лошадьми, от которых валил пар. Кучер весело взглянул из-под дремучих бровей, а я был не в себе, так как ужасно боялся предстоящего randevu. Иркутские власти отчего-то приняли столичного гостя с прохладцей... Так что сегодняшняя встреча станет моим первым экзаменом на служебном поприще.

Дейхман уже ждал меня в своем кабинете. Он о чем-то разговаривал со своим помощником Дубровиным, и не обращал на меня внимания. Выждав пару минут, я осмелился доложить, что прибыл сюда по указанию губернатора Муравьева, наблюдать за постройкой машины, а затем сопроводить ее к пароходу, который нетерпеливо ожидал в гавани Шилки свое железное сердце... Про сердце я, конечно, только подумал, отрапортовал сухо, и протянул бумаги. Дейхман что-то промычал, как бы давая благословение, после чего я счел, что официальная часть завершена, и позволил себе удалиться.

Поселили меня у Дубровина, квартира которого располагалась недалеко от завода, так что мне удалось быстро переодеться; после чего я решил, не откладывая, осмотреть цех, где изготавливались части для двигателя.

Даже беглый осмотр поверг меня в ужас. Паровой котел был сделан из таких малюсеньких листов, что вес швов и заклепок превышал вес полезного материала. Отливка чугуна оказалась безобразной, ноздреватой, а сама схема постройки древняя, как вымершие чудовища... Мне предстояло выяснить, достаточно ли сильна окажется машина для корпуса судна. С помощью новых книг, привезенных с собой, удалось довольно быстро все рассчитать, и я снова впал в отчаянье – получалось, что скорость парохода против течения будет отрицательной! Решив временно утаить данные от генерала, дабы не волновать его ум, я все же счел необходимым сообщить обо всем Дейхману. Начальник взъярился и чуть не упек меня на гауптвахту, как лицо, подрывающее авторитет завода. Лишь после долгих и горячих моих возражений он успокоился и пробурчал:

– Ладно... Давайте сюда ваши кадетские задачки!...

Мы кропотливо, цифра за цифрой, проверили весь ход расчетов, и результат, как яркий луч, озарил его глупую башку. Дейхман помрачнел и начал туда-сюда бегать по комнате, заложив руки за спину. Затем он резко остановился и посмотрел мне куда-то в нос:

– Молодой человек, известно ли вам, что теория не всегда сходится с практикой?

– Да, Оскар Александрович... Но это формулы инженеров, пользующихся популярностью в самой Европе!

– В задницу вашу Европу, Громов! Повезете, что есть.

– Слушаюсь!...

Дейхман немного расслабился, вздохнул, неспешно подошел ко мне и по-свойски приобнял за плечи:

– Поручик, главное – доведите в целости котел... Уж какой есть. Вы ведь не боитесь таежных экспедиций, правда?

– Так точно, не боюсь! – бодро ответил я, хотя в жизни не ходил по тайге.

– Да что вы заладили... Так точно... Слушаюсь... Вы не на войне! Но все-таки расслабляться не стоит, это архиважное дело. Смотрите, не подведите меня. Благодаря вам первый пароход будет спущен на Амуре, каково?

Я промолчал. Спущен-то будет, а вот поплывет ли, как надо – еще вопрос. Однако повторять свои сомнения я не решился. В конце концов, не мое это дело, главное – исполнить поручение, довести в целости машину и отследить ее правильную сборку на месте. А за котел будет отвечать голова начальника завода.

– Кто занимается обозом? – спросил я.

– Вот как раз вы и займетесь! А лошадок я уже подобрал.

Вот это еще новость... Полный разнообразных мыслей, я вернулся в квартиру и до ночи провел время в размышлениях.

...Мне подвели боевого коня.

«Прими же в дар коня, о рыцарь! Он будет твоим верным другом на протяжении долгого пути. Его зовут Оракул.»

Совершенно белый конь гордо посмотрел на меня, не двигаясь с места. Я вынужден был подойти первым и ласково заговорить. Животное внимательно слушало, не шевелясь, лишь уши его чуть дрогнули, и мотнулся хвост. Но вот Оракул переступил, фыркнул и вопросительно ткнулся в мою ладонь. Каким бы гордым не было существо, его всегда можно прикормить...

Утром я начал готовить обоз и первое в жизни путешествие, проявив себя в хозяйственной ипостаси. На сборы мне дали несколько дней.

Наконец, все нужные части были готовы. Караван на Шилку тронулся в долгий путь во время Великого Поста. Подрядчики осторожно везли будущее сердце парохода – впереди шли два воза с цилиндрами, а за ними тащилось все остальное. В самый последний момент Дейхман тоже решил идти с нами, и всю дорогу жаловался на судьбу и погоду, отчего изрядно надоел. Часы отдыха и подъема я назначал сам, введя такую схему субординации, что подрядчики поневоле стали рядовыми. Ведь я офицер, и должен учиться командовать! Надо сказать, что командовать мне понравилось... Я старался не упускать из виду ни одной мелочи, действовать разумно, и меня слушались, отчего я сразу вырос в собственных глазах.

Переход через Яблоневый Хребет дался нам нелегко, мы с трудом продирались по распадкам, густо поросшим кедром, сосной и лиственницей, и проваливались на коварных седловинах, полных снега. Сам я ехал на дрянной чалой кобыле, которая постоянно спотыкалась и оскальзывалась, и была далека от моего сказочного идеала, подаренного выдуманном Королем. «Лошадки», набранные распорядителем начальника завода, оказались безобразной дешевкой. Не уследил! Ну, ничего... В следующий раз все переходы буду готовить я сам.

Тропа тоже не радовала – кое-где тяжеленные возы приходилось даже спускать на веревках. Но, к счастью, обошлось без повреждений, а вот шедший перед нами караван с вином потерял несколько бочек... Воза опрокидывались, бочки с драгоценным грузом валились вдребезги, мужики печально смотрели на эту страшную картину, но делать нечего, двигались дальше.

Спустившись с хребта, я велел разбить лагерь, а сам тут же ускакал в Читу, к майору Корсакову, отмахав пятьдесят верст от нашего лагеря. От него я узнал, что наконец-то разрешена экспедиция на Амур, и он уже вовсю готовится к ней. Михаил Семенович был очень мил, принял меня, как родного и обрадовался, что я так быстро везу машину, отметив, что дальше будет легче, путь до Шилкинского завода пойдет по реке, закованной в лед. Затем мы поговорили немного о движителе – и я, наконец, решился выразить опасение, что пароход не сможет преодолеть речные быстрины Шилки и верхов Амура, а пойдет вспять со скоростью двух футов в секунду. И лишь в спокойном устье реки он готов идти против течения.

Михаил призадумался, однако ненадолго, будучи натурой деятельной и оптимистичной: – Ладно уж, посмотрим, что будет. Другого движителя у нас все равно нет. Всегда стоит надеяться на лучшее.

– Но вот будет номер, если я окажусь прав! – весело сказал я.

– И что ж в этом хорошего, Громов? Не будьте ребенком! – осадил меня Корсаков. Он сильно болел за дело, в то время как для меня это была лишь занимательная игра. Я отвернулся и скорчил мину – вот уж нате, учитель нашелся. На семь лет всего старше, а меня прочит в дети! Впрочем, я не обиделся, и майор весьма мне показался: невысокий, гибкий, светловолосый, с тонкими чертами благородного лица. Очень бурный в суждениях, но при этом на редкость здравомыслящий...

– Чтобы остудить вашу радость, Андрей Николаевич, скажу вам, что пароход будет принимать сам Невельский, а Муравьев рассчитывает вернуться на нем с Амура! Так что молитесь, чтобы все прошло успешно.

Я пристыженно замолчал, но молиться не стал. Еще чего.

Через несколько дней обоз был благополучно сдан Козакевичу, ответственному за постройку и спуск парохода. Он радушно пригласил меня к себе погостить, и я легко согласился – местность вокруг Шилкинского завода оказалась очень живописна, хотя горная сила здесь заметно ослабла. Петр Васильевич все подсмеивался и повторял: эх, Андрюша, живем-то на пепелище былой мощи, какая жизнь здесь раньше цвела! Но вот приехал Муравьев и заявил, что все серебряное производство убыточно, один рубль из Нерчинского серебра обходится

в два, и пошла потеха; начали серебряное дело уничтожать, да пытаться развивать золотое. Понаехали чины, офицеры, казаки, затоптали всех местных серебряных царьков – Черепановых, Кандинских, Карякиных, Зиминых, Юренских...

Муравьев мне нравился. Когда сам видишь, что сделано по одному мановению руки, и знаешь, что было раньше, поневоле преклоняешься перед такими людьми, как он. «Новая метла!» – шептались нерчинцы, а оказалась не метла, а силища, причем постоянно действующая. Это при нем забегала почта, с Запада на Восток, через всю Империю. Ключник завода Селиверстр Кирсанович, дряхлый старичок, вечно снующий по галереям и кладовкам, уважительно называл Муравьева «Двенадцатым Апостолом» – это был двенадцатый губернатор края на его памяти. А сам старик сильно смахивал на Хранителя Времени... Может, это он и был?

...В детстве довелось мне видеть в селе Бянкино высокие терема, занимаемые многочисленной купеческой семьей Кандинских. Основатель клана, Петр Алексеевич, без малого сто лет назад ограбил в Якутске две церкви и два монастыря, за что был сослан в Забайкальский округ на каторгу. И пошло от него семя... Первый сын занимался разбоем, потом, однако, притомился, и стал купцом. Кажется, на Руси только бывшие уголовники способны заниматься торговлей – многочисленная родня Кандинского цвела, давая деньги под проценты, зарабатывая на извозе, скупке и продаже пушнины, поставках леса на заводы... Семья матерела, а рабочие и туземцы все более увязали в пожизненных долгах. К середине века клан опутал долговыми сетями чуть ли не все простое население Восточного Забайкалья, доведя его до нищеты. И никто им был не указ, везде протянулись многочисленные ветви ядовитого родословного древа...

Муравьев первым понял вред такой черной монополии, взял и рассек серебряного осьминога, да пригласил массу новых подрядчиков и купцов. Проезжая нынче Бянкино, я застал семью Кандинских уже в упадке. Тут помнили моего отца и меня, а я помнил шикарную жизнь серебряного клана... Теперь же в доме было мрачно. Хозяева положили меня в большой комнате, которая сплошь оказалась увешана портретами иркутских Архиереев, и действовала угнетающе. Мне долго не удавалось заснуть – физиономии на картинах были страшные, видно, художник попался немудрый, однако сумел придать чумную выразительность глазам... Ночью мне даже приснились эти глаза, прожигающие своей ненавистью все мое существо, исполненное планов и задумок.

В селе поговаривали, что Кандинские все свои капиталы в виде золотого клада зарыли в окрестностях Нерчинска, возле Шивкинских столбов. Многие уже пытались отыскать их там, но безуспешно...

«Аргунь»

Шилка, Забайкальская красавица, одна из истоков Амура, давно уже не знала покоя. На ней при Шилкинском заводе была выстроена гавань, в которой всю кипела работа – здесь строились склады, баржи и снаряжалась первая Амурская экспедиция. Название реки произошло от тунгусского «Силькари», что означает примерно следующее: «широкая река в узкой речной долине». В верховьях она лысая, где неспешно протекает среди сопок и долин, но ниже Стретенска скалы сжимают русло каменными лапами, течение реки убыстряется, и Шилка бодро втекает в дремучую тайгу... Осенью ее низовья раскрашиваются во все цвета, и глаза разбегаются, но терять бдительность нельзя! Утесы и каменные зубы не прощают оплошностей, и не один зазевавшийся баркас нашел свой приют в водоворотках Силькари...

Техникой построек в гавани занимался когда-то знаменитый корабельный инженер Михаил Шарубин, которого посылали аж в Америку для повышения образования. Вернувшись, он не раз поражал Кронштадт новыми хитрыми приемами в кораблестроении. Один раз даже переделал фрегат в пароход... К сожалению, как водится, эта способная и чистая русская душа не выдержала борьбы с рутинной и спилась. Я увидел инженера уже совершенно больного, с ртутными глазами. Его постоянно сопровождал ординарец, в обязанности которого входило не давать Шарубину пить. Однако ни соглядатай, ни обещания, ни клятвы, даваемые Козакевичу – ничто не помогало. К каждому вечеру он умудрялся набираться до того, что язык его еле ворочался, хотя ноги еще держали.

Как-то мы с Козакевичем завели печальный разговор о погибающем корабеле:

– Знаете, я много думал – отчего так происходит? Я всегда считал, что люди пьют от безделья.

– Это бездуховные люди пьют от безделья! – авторитетно заявил Козакевич.

– А духовные, выходит, от слабости характера?...

– Возможно...

– Но я вот почти не пью, выходит, сам я бездуховен и слаб? Ну, уж нет!... Знаете, что я думаю, Петр Васильевич? Просто эти люди родились не в то время, и не в том месте, и природа долго и мучительно пытается забрать их обратно, чтобы возродить когда-нибудь в новой жизни...

– Дорогой Андрей Николаевич! Не слишком ли вы романтизируете пьяниц? Вот смотрите – все мы ходим прямо, потому что каждый человек рождается с позвоночником. А попробуй, вынь из нас эту кость? То же самое и с душой, характером. У каждого должна быть кость! А если человек без нее родился, значит, он будет слизняком. Хотя, возможно, и одаренным слизняком. Природа-матушка одной рукой отбирает, второй дает. Играется с нами, как с куклами...

– Значит, вы полагаете, что тяга к пьянству заложена уже при рождении?

– Безусловно, голубчик! Признаки слабости человеческой природы видны еще с детства. Как, впрочем, и силы.

– И ничего с этим нельзя поделать? Как же все-таки несправедливо...

– Такова воля Господа нашего. Все люди должны быть разными, иначе не будет движения вперед!

– Так Господа или природы? – попытался задеть я капитана.

– Поручик, вы задаете слишком сложные вопросы, – засмеялся Петр, – возможно, вы поймете это сами... лет через двадцать.

Наш пароход уже был почти готов, осталось собрать в трюме машину, пришедшую с обозом. Я находился при ней неотлучно, наблюдая за работами. Козакевич, хмурая брови, наполо-

вину согласился с моими выводами о том, что машинка слабенькая, однако что делать, другой-то не предвиделось.

В конце апреля работы были завершены, и нашу доблестную посудину решили вывести на испытания. Потихоньку выйдя из спокойной гавани, пароход направился вверх по Шилке. Мы шли черепашным шагом вдоль берега, по которому так же медленно шла толпа зевак. Они радостно кричали и махали нам руками, но когда пароход поневоле вынесло на стремнину, машина не справилось с напором воды, и судно резво потащило назад! Крики любопытных тут же сменились разочарованными возгласами, а мы засуетились у руля, и кое-как прибились к берегу, благополучно сев на мель. Это было достойное завершение путешествия, длившегося четыре часа, за которые «Аргунь» прошла всего три версты...

Вскоре стемнело, и толпа разошлась, а команде дали водки. Мы засели в капитанской каюте, где пили чай, без аппетита поужинав. Все были подавлены неудачей. Дейхман призывал нас к спокойствию, сказав, что оботрется, первый блин всегда комом. Шарубин уныло чокался с матросами на палубе. В конце концов, все рухнули, скошенные Морфеем, кто где, не раздеваясь...

На рассвете нас разбудил вахтенный с вестью, что сверху идет большая лодка под военным флагом. Должно быть, это сам Муравьев! Мы быстро привели себя в порядок и выбежали на палубу. Утро выдалось смутным, солнце еще не поднялось как следует над сопками, и лучи его с трудом пробивали белесое полотно тумана. По зеркальной поверхности Шилки скользил легкий ветерок. Лодка вдали то скрывалась, то показывалась, а с ее мачты, как видение, подмигивал вялый флаг. В подзорную трубу стала видна бравая фигура Николая Николаевича.

Наконец, лодка приблизилась, и он звонко закричал в утренней тишине:

– Строителям парохода «Аргунь» – ура-аааа!!!

Могучий радостный вопль в тумане был ему ответом.

– А что ж вы на якоре стоите?

– Да так... Отдыхаем! – осторожно выкрикнул Козакевич.

Однако вскоре стало ясно, что у генерала настроение отличное. Наверное, от того, что корабль уже стоит на воде, а не на стапеле. Выходит, Громов-то наврал!... Мне стало не по себе.

Поднявшись на палубу, Муравьев поочередно обнял всех строителей, я же стоял чуть поодаль, почтительно вытянувшись и отдавая честь высокому гостю. Однако он прошел мимо, лишь слегка приложившись к козырьку, словно не узнавая меня. Еще бы, по чину я всего лишь поручик! Обида накрыла меня с головой, и я покраснел.

В тот же день пароходу было велено идти вниз и становиться на якорь напротив офицерского лагеря, устроенного недалеко от завода. Но маневр не удался – судно лихо понеслось по течению, его не смогли вовремя повернуть и вновь посадили на отмель! Это стоило должности капитану Александру Сгибневу, вместо которого поспешно назначили Арбузова, тоже Александра. Уровень воды в реке был очень низким, отчего мы лишились возможности снять плотно засевший пароход. Я по-прежнему находился на палубе, исполняя обязанности какого-то мифического помощника капитана. Арбузов, наоравшись на команду, напрочь терял голос, и заставлял кричать меня, но ничто не помогало. Наконец, вода все же немного прибыла, и меня отправили донести эту радостную новость Козакевичу и Муравьеву, для чего пришлось переезжать Шилку на лодке.

Я вошел в палатку генерала, с трудом скрывая триумф в глазах. Хоть и жалко было пароход, но точность расчетов и правда оказались на моей стороне. Ведь я предупреждал! Генерал трапезничал, когда я начал бодро рапортовать о случившемся, однако Муравьев перебил мой бурный словесный поток, заявив, что он сам все видел:

– Должен признать, что вы оказались правы, поручик... Приятно лицезреть умную и трезвую голову. Окажите любезность, откушайте со штабом! У нас как раз обед.

На этот раз мое лицо зарделось от удовольствия, а каблуки шелкнули, кажется, сами... Я коротко кивнул и произнес слова благодарности. Служащий проводил меня к походному столу. Мне принесли прибор, закуски, и я тут же набросился на царскую рыбу калугу, и печеного амурского осетра, выловленного тут же, на стрелке. До чего же вкусны окаянные рыбины! Отродясь не едал я подобных...

Когда треск за ушами стих, стали слышны обрывки разговоров, метавшихся над столом: офицеры вовсю обсуждали подготовку к большому походу:

– ...господа, манегры говорят, что ниже по реке невиданное количество змей!

– Еще бы... У них сейчас свадьбы, надо глядеть под ноги. А то наступите на чью-нибудь невесту!

Все сидящие за столом дружно засмеялись. Муравьев лишь улыбнулся – его заботили более серьезные вещи:

– Я вот размышляю, достаточно ли казаков берем и пушек? Черт их знает, этих китайцев... Не вышло бы накладки.

Все замолчали. Первым решился выразить свои мысли штабной Коля Свербеев:

– Два линейных батальона, Николай Николаевич, куда ж больше! Чай, у нас не война, а просто экспедиция.

Я решил запомнить этого человека.

– Ну, допустим... – не унимался граф, – а как быть со слухами, что на Амуре еще местами лед держится?

– Байки это... Брешут туземцы! Вода слишком мощная, да и тепло изрядно.

– Точно! Змеи-то недаром повывлазили! – очнулись офицеры.

...Слушая все это, я неожиданно поймал себя на мысли, что предстоящее чужое путешествие не на шутку возбуждает меня. Эх, если бы и меня взяли в экспедицию на Амур! Вряд ли такое возможно... Остается лишь молча шевелить челюстями, вздыхая про себя о прекрасной возможности посмотреть дикие края. Хоть и отбили меня от Алтая, стежка-то в одну сторону, как ни верти... На Шилке тоже завод, и это, видимо, мой крест!

– ...вот еще что смущает – везде ли лес по берегам? Рубить для парохода дровишки придется в немалых количествах.

– А где вы видали, чтоб в тайге не было дровишек?

– Уверен, что есть такие места. А ну, как вокруг одни скалы будут, или пустыня? Что тогда?

– Быть не может.

– Пари?...

– Отлично, если двадцать верст плывем без берегового леса, с вас бутылка шампанского.

– Господа, отставить балаган! Лучше подумайте, все ли взято из снаряжения...

Все вокруг беспорядочно загомонили, а я поднялся из-за стола и пошел смотреть на воду, которая неспешно текла, шушукаясь о чем-то с песком на берегу.

– Что, Андрей Николаевич, вам стало неинтересно? – неожиданно раздался голос Муравьева за спиной. Я не слышал, как он подошел, погруженный в свои невеселые думы.

– Очень интересно... – признался я, – но ведь я не с вами.

– Как это не с нами?! Вам же предстоит здесь работать! Разве не радуется сердце тот факт, что мы спешим укрепиться на Востоке?

– Весьма радуется, Николай Николаевич.

– Вот и пойдете к столу!

– Слушаюсь...

Через два часа я вернулся тем же порядком на судно, везя приказ Козакевичу, который нервно разгуливал на палубе, вглядываясь в темный берег. Вечером мы вновь чаевничали в капитанской каюте. Было отчего-то грустно... Дейхман неожиданно расстроенным голосом сказал, что тоже бы пошел в экспедицию, хоть простым матросом. Если бы генерал его взял, конечно...

Козакевич, задумчиво глядя в свою чашку, спросил:

– Мы на днях уплываем, а вы здесь остаетесь, не так ли? И что же намерены делать дальше?

Я сначала не понял, что вопрос обращен ко мне. Беспокойные мысли, как всегда, витали где-то вдали от реальности.

– Да что делать, Петр Васильевич... Поступлю на завод и буду служить. Я же инженер по металлам.

– Мда... Это верно. Путь ваш предопределен. Сколько вам лет?

– Двадцать один.

– Мм-м... Если честно, мне жаль вас... Вы так молоды, неопытны, и совершенно не представляете, что значит служба на заводах. Вы там погибнете!

Для пущей важности мне был приведен пример безвозвратно «погибшего» в заводском болоте кадета. Я молча ждал продолжения, а сердце грохотало, как цилиндр в нутре парохода... Где-то я слышал подобное. Меня уже жалели... Архаров! Тогда, в трактире! Судьба словно нарочно дарит мне таких людей... Для чего же?

– Хотите, – спокойно продолжал Козакевич, – я переговорю с Муравьевым?

– Да!!!... – вскричал я, не дав ему закончить фразу, – Я...

– Полно благодарить. Просто принесите пользу в путешествии... себе и другим.

– В сомнениях не вижу причин, милостивый государь!

– Вот и замечательно. До встречи на Амуре?

– Так точно!

Душа моя взвилась от неожиданной радости. И мысль об особенностях предназначения, присущая каждому честолюбивому юноше, так и поперла из меня, хотя я суетливо старался записать ее поглубже. Не потому ли Дейхман вдруг мрачно посмотрел мне прямо в глаза? В них тлела такая жуткая тоска, что стало не по себе...

Ай да Козакевич! Все сбылось!

На следующее же утро меня зачислили в Амурскую экспедицию, для попутных исследований, как горного инженера. Я на радостях побежал сообщить об этой новости Дейхману, но тот скорчил недовольную мину и сказал, что ему очень жаль меня, что все эти отвлечения от основной службы добром не кончатся, учили-то меня совсем другому, и где гражданский долг?! Я совершенно растерялся и кинулся к Петру Васильевичу, однако тот лишь рассмеялся, припоминая вчерашнее желание Оскара уехать матросом...

Оставалось еще отделаться от начальника всех Нерчинских заводов, господина Разгильдеева, прозванного за глаза «забайкальским сатрапом», как угробившего на тяжелых работах тысячи каторжников. Он принял меня сухо и даже сделал выговор – все горные были недовольны моим поступком. Понятно, что каждому хотелось поехать в такое путешествие, а не копать в заводской пыли... Эх, вот она – людская зависть!... Я был подавлен, но волнительное ожидание путешествия и признание Муравьевым моей правоты не дали мне раскиснуть. В довершении чудес меня повысили в чине и обещали прибавить жалование.

О, как жизнь все-таки хороша!!! Судьба, наконец, пожалела меня и сделала неожиданный кульбит, вырвав из круговорота рутины и мрачных размышлений.

На реке Селемдже (Худ. Вронский)

...И вот наступила вожделенная середина мая пятьдесят четвертого. Для торжественного отхода экспедиции Иван Разгильдеев расщедрился на великолепную иллюминацию, и гористая местность тому отлично поспособствовала. Везде были развешаны сделанные из шкаликов и плашек звезды, орлы, китайские фонарики и прочая славная мелочь. На склоне вызывающе торчал щит с горделивой надписью: «Исполнителю идей Петра Великого!». Местное предание гласило, что Петр одно время намеревался строить Петербург не на Неве, а в устье Амура.

Длинная кавалькада лодок, барж и плотов потянулась по Шилке... Вода была высокой, вельботы быстро несло, и тушу «Аргуни» тоже тащило довольно успешно. Когда мы вышли в Амур, генерал-губернатор поднялся на палубу и громко закричал:

– Мы в Аму-у-у-ре-е-е-е!!!

Дружные глотки офицеров и матросов ответствовали ему со всех судов. Первый пароход дальней Сибири отправился в свой первый славный путь...

Сибирь

Путешествие наше длилось без малого месяц. Места мы проплывали дивные по красоте, а картина вокруг постоянно менялась. Лес густо стоял по берегам, то сосновый, то вязовый или дубовый... Не было проблем и с дровами для движителя. Амур со всех сторон обступали горы средней величины, которые то грозно сдвигались утесами, то отдалялись, уступая место пологим выкатам. Я везде поглядывал на подбережины и выходы пород, но заметок не писал, было совершенно некогда, душа моя оказалась настолько переполнена эмоциями, что делу места не осталось.

Змей в прибрежных лесах и впрямь оказались целые сонмища, а леса кишели разнообразным зверьем... Стреляли мы в основном для еды – жареный на вороте кабан или косуля оказались знатной пищей и подспорьем к походному пайку! Однажды я заметил большого леопарда, который жадно пил из реки; при нашем появлении он медленно уполз под покров леса; очень бледная пятнистая его шкура скорее напоминала дождевую поганку, чем грозного зверя... Мы жаждали увидеть тигров, но, сколько ни вглядывались в девственную маньчжурскую тайгу, ни одного полосатого красавца так и не увидели. Как обидно! Зато многочисленные медведи, ошивающиеся вдоль воды, шумно ломились в чашу, едва завидев авангардную лодку. Я не убивал мишек, мне их было отчего-то жаль... Они казались мне неповоротливыми толстяками, слишком легкой мишенью. Да и куда потом девать столько жесткого мяса?

...Неспешно объезжая сопку, я вдруг наткнулся на раненного медведя. Подранок бежал быстро, но мой конь догнал его, и я увидел, что в меховом боку зверя торчит несколько чужих стрел. Жизнь вытекала из него тонкими алыми полосками, однако медведь по виду был матерый, его так просто не убьешь...

Вдали послышался охотничий рог, а еще через мгновение в голую лощину выскочили собаки. Исходя злым лаем, они взяли жертву в полукруг, хотя близко не подходили, боялись; хвосты их были поджаты, уши припилены, морды непримиримо щерились, и они постоянно оглядывались на меня: «Ну что же ты, человек?! Давай! Ату его, мерзавца!!!» Я неторопливо поднял копье, примериваясь метнуть его в мощную шею подранка, и тут мой взгляд столкнулся со взглядом зверя...

Медведь не понимал, за что его хотят убить. Только что он мирно пасся на сонном муравейнике, никого не трогал, и вдруг шум, лай, боль... За что?!... Я отвел глаза. Убивать животное было не за что – я сыт, здоров, одет, и нет причины для кровной вражды. Что есть охотничий азарт? Не больше, чем тщеславие.

Копье дрогнуло в моей руке, и я опустил его, пробормотав: «Уходи, бурый! Сегодня Небо благоволит к тебе...» Медведь склонил тяжелую голову в знак благодарности: «Я твой должник!» И медленно ушел под покров леса.

Собак я с трудом отогнал, избивая дровком, а они визжали, как свиньи, у которых из под носа утащили корыто. В лес за медведем они сунуться не решились, и остались на опушке.

Вскоре на поляну выехало несколько нетерпеливых всадников. На седельных сумках у них была вышита сова. Один из них, незнакомый рыцарь в черном плаще, спросил, куда ушел подранок. Я указал на какую-то дальнюю рощу; рог вновь вострубил, и собаки нехотя повиновались, следуя за хозяевами...

...Орочены, завидев нас, бежали словно медведи, и только самые отважные подплывали к судам на легких лодочках с дарами – рыбой, табаком, разной дичью, или просто из любопытства. Гости всегда были настроены дружелюбно, с удивлением и благоговением прислушиваясь к музыке, доносившейся с парохода. В одной из деревень старый гольд почти за бесценнок

продал мне роскошное ожерелье из медвежьих зубов и когтей; судя по размерам «бус», хозяин был матерым медведогой, но и он не устоял перед всеильным человеком... Я спросил, как же мелкие туземцы исхитрились завалить такое чудовище? Знаками гольд объяснил, что медведя выкурили зимой из берлоги, после чего навалились и убили. Такая охота показалась мне подлой и несправедливой, заставив еще раз разочароваться в людях.

В конце мая речной караван подошел к устью Зеи, где на туманном правом берегу нашему взору предстали китайские поселения в виде массы домиков-фанз. Нас уже ждали, и толпа народу спустилась на берег смотреть на русских, которые так же с интересом пялились на чужестранцев, хотя и старались хранить высокомерное достоинство.

На отмели перед городом Айгунь теснилось несколько десятков деревянных военных кораблей, при полном параде. На них стояли вооруженные солдаты, которые с опаской и любопытством разглядывали грозных соседей с севера. Наверное, каждый из них молился, чтобы мы проехали мимо, не причинив им вреда... Но мы вовсе не собирались сеять вражду, а пересели в малые лодки, на которых причалили к берегам незнакомой страны.

Китайцы дали нам своих лошадей, однако свободно передвигаться по городу мы не смогли. Узкоглазые чиновники, окружив нас плотным эскортом, сопроводили штаб прямо к маньчжурскому генералу, в главную крепость города. Всю дорогу нас преследовала разноцветная толпа женщин, гомоня, словно стая голодных птиц. Они пытались всучить нам битых кур и табак, но свирепая полиция усердно разгоняла их длинными плетями, не подпуская к парламентарам.

В резиденции мы передали Амбаню письмо для китайского Императора с просьбой не препятствовать проходу русского сплава, и во имя дружественных традиционных связей двух держав оказывать нам всяческое содействие и помощь. На этом политическая часть спектакля благополучно завершилась, и мы, вновь окруженные охраной, вернулись в порт, чтобы отправиться дальше. До свидания, диковинная страна!

...К концу Амура путешествие потеряло былую прелесть. Река стала широченной, текла мощно и неспешно, противоположный берег иногда просто терялся в тумане, и если бы не острова, раскиданные по руслу, было бы совсем скучно. Противные ветра, дожди и слабое течение изрядно поднадоели командам, а один раз мы чуть не затонули от обычной прибойной волны: широкая вода на ветру оказалась коварна!

В Николаевском посту, куда мы прибыли, стояли одни временки, хотя в скором времени тут планировалось разместить целый гарнизон. Хляби небесные не закрывались, но Муравьев с Невельским засели в промокшей насквозь палатке, им было не до комфорта, обсуждали важные дела – шла война, и устье Амура всюю готовили к обороне... Здесь намеревались укрывать суда Камчатской флотилии от нашествия вражеской эскадры. Именно поэтому так нужен был мир с китайцами, который мы продемонстрировали своим дипломатическим проходом по реке! Война шла не только в Крыму, наглые англичане и французы, в составе шести фрегатов и кораблей, подошли вплотную к берегам Дальнего Востока. Кроме того, существовала проблема и в отношениях с Японией: русская колонизация Дальнего Востока шла медленно, а верткие японцы, как тараканы, уже всюю заселяли Сахалин!... Необходимо было срочно занимать побережье, чтобы не допустить туда иностранцев.

Затем весь штаб пересадили на бот и отправили на Петровский пост, представлявший собою несколько убогих домишек, в которых жили матросы, служащие, и поп Иннокентий, сын Московского Митрополита. В общем, несмотря на то, что Геннадий Иванович еще пару лет назад пытался придать селу важное стратегическое значение, грустное и дикое было это место... Зимой домики заваливало снегом по самую крышу, а осенние шторма заливали колодцы солью, и жителям приходилось топить снег. Будущее военного поселка виделось мне прозрачным и суровым: казармы для нижних чинов, дома получше для офицеров, баня...

и все. При мысли о бане я, давно невыттый, чесался и мечтал о светлом будущем русского Приморья. А пока мутные окошки моей избы одиноко таращились в прибрежный туман, слушая плеск прибоя – с трех сторон низкий берег окружало неприветливое море, и стояла ужасная сырость, отчего ржавело оружие и инструменты.

По материковой части побережья рассыпались бедные деревеньки гиляков, которые занимались сплошь рыбным делом, и потому кормились мы одной рыбой: уха из лососей, сиг под паром, окунь жареный, щука запеченная, котлеты из востробрюшек, и пирожные-желе на рыбьем клею. От треклятой рыбы просто тошнило, но о разносолах можно было только мечтать. Даже высшие чины могли рассчитывать в этом захолустье лишь на чай и сахар, и то в скромных количествах, да на казенную морскую провизию, доставляемую с Камчатки. Иногда нам удавалось купить у туземцев крупную дичь, и тогда в поселке пару дней был настоящий праздник...

В один из скучных вечеров я сидел у окна и предавался странным размышлениям от том, что до нас на Земле, наверное, были иные цивилизации, которые умели летать... Иначе отчего же я так часто летаю во сне? Причем получается это легко, без всякого напряжения... Ночью сила разума с легкостью преодолевает земную тягу, и просто удивительно, отчего этого не происходит днем. Правда, во снах я летаю невысоко и по большей части в сумерках; наверное, и предки наши взлетали лишь после захода солнца. Интересно, почему?

Скука породила бессонницу, и засыпал я тяжело и тревожно. Этой ночью полетать не получилось, но мне приснился очень странный юноша, почти мальчик – худой и грязный. Из давно невыттых его волос торчали острые уши... Юноша, сипло дыша, сгибался под тяжестью небольшого деревянного сундучка за спиной, крепко стянутого веревками. Он повернул лицо, и я увидел, что глаза у него чуть-чуть раскосые, как у гиляков, целые, но почти слепые, смотрящие в никуда... Было видно, что ему нелегко, и я спросил, отчего он не сбросит свой тяжкий груз, даже присев на отдых? Пришелец мне не ответил; из чего я сделал вывод, что несчастный глух и нем, словно пень. Я знаками предложил страннику перекусить, чем Бог послал; зубастый сибирский харьюз пришелся молодому человеку по душе, и он впился в нежное мясо, словно не ел целую вечность... Но груз свой при этом не снял, чему я немало удивился, ведь плечи юноши были истерты в кровь!

...Пробормотав что-то вроде извинительного «разрешите вам помочь», я осторожно попытался освободить худое тело, едва прикрытое рубищем, от врезавшихся в него веревок... Однако гость неожиданно бросил свою рыбу и гневно отшатнулся! Гнилые вервии лопнули от резкого движения, и сундучок грянулся об пол, треснув от удара. Из трещины тут же вытекло с десятков потерянных золотых монет. Я вытаращился от удивления... Как, имея столько золота, можно ходить таким оборванцем?...

Загадочный сон закончился тем, что юный странник, старчески трясая кудрявой головой, пытался вновь стянуть трухлявые доски сундучка. Иногда он злобно поглядывал на меня, и от этого полуслеплого взгляда мне становилось жутко. Я проснулся с изрядным сердцебиением и долго смотрел в низкий деревянный потолок, слушая шум волн и выжидая, когда сон положенным образом выветрится.

Дни протекали вяло, делать было нечего, и большой радостью стал приход долгожданной шхуны «Восток», которая доставила нас в Аянский порт, откуда мы небольшими группами намеревались добираться по горам и болотам до реки Нелькан. Этот кусок пути составлял порядка двухсот верст. Там, на берегу Нелькана, нас должны были поджидать лодки, на которых мы намеревались сплавляться по Лене до самого Якутска. В общем, обратно предстоял длинный и сложный путь, гораздо более сложный и опасный, чем радостный и бутафорский сплав вниз по Амуру!

Первым ушел на материк Корсаков, курьером к самому Государю. Я немного завидовал Михаилу – нет еще и тридцати, а уже подполковник, и после своей курьерской миссии наверняка получит повышение, потому что с доброй вестью... Еще бы, великий Амур теперь наш!

После отъезда Корсакова ежедневно по чинам отправлялись все последующие офицеры. Наконец, дошла очередь и до меня. Добирались домой герои амурского первопрохода верхами, дорога была адская, изнуренные и искусанные мошкой лошади еле двигались в тайге... Сами мы, грязные, ободранные, тащились до Нелькана двенадцать дней. Лицо мое раздулось от укусов насекомых, бедра ныли от седла, мокрая шинель воняла, как подстилка в собачьей будке. Только когда мы добрались до открытой воды, появился небольшой ветер, разогнавший ненавистных кровососов. Стало чуток полегче, и маленькие лодки радостно и быстро понесли нас вниз. Я отдыхал на реке, то подремывая, то разглядывая окрестности. Иногда мы вылезали перекусить и обогреться; все селения по берегам имели жалкий вид, ничто не родилось в этом краю, а переселенцы, жившие там, были в основном из староверов.

В Якутске нас обласкали и накормили, но город оказался скучным. Мы недолго задержались в нем, зато накупили припасов и скоро потянулись вверх по Лене с почтовыми лодками, таща их на бечеве. На этот раз вышло еще хуже – лошадей не было, и топали мы на своих двоих, стирая ноги в кровь... Путь получился наитяжелейшим, приходилось делать по сорок-пятьдесят верст в сутки, идя по изрезанным диким берегам, и таща за собою груженные лодки.

Моим спутником стал ученый из Петербурга, неожиданно оказавшийся довольно приятным компаньоном и выносливым человеком, несмотря на хлипкую внешность. Звали его Петр Петрович, а фамилию я так и не спросил. Зато ласково называл его Петровичем, и он не обижался. На второй день мы уже без конца путали «ты» и «вы», хотя ученый был на двадцать лет старше меня, однако обоим это обстоятельство ничуть не смущало. Петрович оказался настоящей ходячей кладезью... Уму не переложить, сколько рассказал и показал он полезных таежных вещей, о которых я и понятия не имел!

Шли дни за днями. Совершенно измученные, мы миновали город Олекминск, а за ним и Киренск, от которых в глубину страны идет Олекминская богатая тайга, однако нам было совсем не до нее... Наши разбитые ноги уже протоптали почти полторы тысячи верст, кто бы еще смог повторить такое, кроме русского человека? Но по пути я неприятно поразился тем, что русские деревни, встречавшиеся нашему маленькому отряду, совершенно забыли родной язык, оякутились... Кое-где на побережьях попадались деревянные склады местных золото-промышленников, местами суетливо пробегали оборванные фигуры беглых приисковых рабочих – вот и все, что имелось занимательного на берегах Лены.

На привалах мы падали, как убитые. Потом, придя в себя, неспешно раскидывали карты на расстеленной шинели, а в костер бросали сырую траву, пытаясь защититься от комаров... Еды было мало. Словно в насмешку, подножный корм так и плескался в прозрачной воде! Короткое лето не дает рыбам достаточно еды, поэтому они вынуждены пожирать друг друга. Оттого-то вся рыба здесь хищна, большие жрут маленьких, ловкие – слабых... Попутчик однажды высмотрел в свои круглые очки брошенный на берег обрывок сети, и мы с переменным успехом ловили ленка и харьюза на устьях ручьев, сбегających по галечным ложам в главное русло. Однажды мы растянули ловушку между косой и осередком, надеясь выловить что-нибудь серьезное из плеса, и утром попалась здоровенная щука! Но рванулась она, стерва, и на наших глазах унесла сеть на пятнистом теле. Так подлый случай лишил нас прикорма...

Мы часто рассуждали о жизни, так как делать на остановках было абсолютно нечего, кроме сушки одежды, да приготовления скромной еды и чая. Как-то вечером, растянувшись на траве у огонька после преферанса, я спросил попутчика:

– Петрович, а скажи-ка, любезный, женат ли ты?

– О, женат, и давно! Мария Степановна ждет сейчас дома, волнуется. Светлая, замечательная женщина! Одна на всю жизнь...

– Разве такое может быть? Скучно, поди, видеть рядом одно и то же лицо.

– Нет, голубчик, совсем не скучно, если лицо любимое!

– И вы полагаете, любовь эта будет с вами до конца жизни?

– А что думать-то. Почитай, четырнадцать лет уже женаты. Дочка у меня, Настенька... Глазищи в маму, а натура вся моя! Знаешь, каждый раз слушает, раскрыв рот, и образчики всякие из путешествий, да камешки самоцветные – лучшие для нее подарки. А ты женат?

– Никак нет... – торопливо ответил я, – то есть, конечно, женюсь когда-нибудь... Наверное.

– Женишься, куда денешься! Смотри, какой ты удалой и лицом завидный, хоть и грязнущий... Умом тоже не обижен. Тебя отмыть, да приодеть, и отбою от девиц не будет, помяни мое слово!

Мы засмеялись и принялись за чай. Я представил, как приезжаю в Питер героем, в парадной форме, и на каком-нибудь балу небрежно обвожу барышень глазами. Но дальше мечты отчего-то застряли, и я молча воззрился на огонь. Петрович протянул озябшие ладони к костру и с воодушевлением продолжал:

– Дети – это великое благо и дар Небес... Нам-то с Машенькой только одного Бог послал. А ты уж, Андрей Николаевич, поболее расстарайся!

– Отчего вы уверены, что благо? Нельзя же предвидеть, что из дитенка вырастет годам, скажем, к тридцати. А в детстве они все хороши.

– Предвидеть нельзя, но в нем твое семя будет. Вот и решай сам – хорошее оно у тебя или плохое?

– Я не знаю...

– Как – не знаю?! А что ты здесь делаешь? Самое что ни на есть здоровое и любопытное семя! Смотри, Андрей, какая огромная у нас страна. Будет где жить твоим детям, внукам, правнукам... А ты – «не знаю»!

... Чем выше поднимались мы по реке, тем ближе продвигались к югу Империи. Низкая невеселая тайга, одинаково торчавшая по берегам, уже морочила глаз. На север от нас тянулась безграничная Якутия, на юге дыбились многочисленные хребты Забайкалья. На заболоченных берегах кровососы висели просто стеной; то здесь, то там несчастные животные выскакивали из леса, трясая шкурой, и кидались в воду, пытаясь спастись от крылатых тварей. В таком духе мы прошли больше двух с половиной тысяч верст, почти половину Восточной Сибири! Поход по Амуру оказался увеселительной помпезной прогулкой, и наверняка о нем много напишут историки, а о возвращении первопроходцев на материк мало кто узнает. Однако мне такая жизнь вдруг оказалась по душе... Отчего – я и сам не понимал.

В одну из ясных ночей я долго не мог уснуть, сильно маялся – болела натертая до крови нога. Петрович задумчиво шуршал веткой в углях и улыбался сам себе. Счастливый человек! Мне стало завидно, и я беспокойно зашевелился.

– Не спится?

– Угу...

– Давай, Андрей, расскажу тебе сказку.

– Как в детстве? Здорово! А про что?

– Ну... Про ворону и крысу.

– Давай! – я сел, завернувшись в вонючую шинель, и уткнувшись подбородком в колени, в предвкушении сказки. Стало отчего-то славно, словно я был дома, у родного очага, совсем еще маленький, и сейчас мама расскажет мне чудесную историю, после которой боль пройдет, и я обязательно засну...

– Тогда слушай. Однажды сошлись в смертельной схватке ворона и крыса, за кусок французского сыра! Полетели во все стороны перья и шерсть. Крыса зубами кусается, ворона клю-

вом долбит. День бьются, два, три – не могут одолеть друг друга. Сели передохнуть. Тут мудрая ворона и говорит: «Вот деремся мы с тобой, а сыр-то и засох! Надо было поделить его по-братски, и все дела. Мы же с тобой – одной крови!» «Как это одной? Ты мой враг!» – возмутилась крыса, и хвостом забила в нервах. «Да очень просто! Мы с тобой обе любим сыр – раз. И обе испокон веков живем рядом с человеком, крошки с его стола подбираем – два. Только ты по земле бегаешь, а я в небе летаю. Зачем нам драться? Давай лучше дружить! Тогда мы человечество переживем, и внуки наши станут царить на земле!» «Давай!» – согласилась крыса, и заключили они Великое Сырное Перемирие... Вот и сказке конец!

– Ой, а дальше?

– А что дальше... Вот так и живут они рядом с человеком, да терпеливо ждут, когда люди друг друга за сыр перебьют... – угрюмо вдруг закончил рассказчик.

– Как ты думаешь, неужто дождутся?

– Не знаю... Хотелось бы верить, что нет.

– Грустная сказка. Откуда она?

– Я только что придумал! – признался ученый. – Скучно...

– Экий талантище! – восхищенно сказал я, – завидую твоей дочке! Хороший ты человек, Петрович... Даже нога болеть перестала.

Шумно вздохнув, я замолк, а попутчик улыбнулся во тьме. Близился рассвет, изрядно похолодало – мы оба, как по команде, подвинулись ближе к тлеющему бревну, плотно закупились в свои одеяла и быстро заснули.

Нелегкий наш путь продолжался. В Жигалове мы, похожие на беглых каторжников и до полусмерти измотанные, пересели на почтовые тройки. Двое суток почта несла нас в Иркутск, и я спал в кибитке, как убитый. После всего пройденного город показался столицей мира! Там я узнал, что Миша Корсаков благополучно достиг Петербурга, и Государь остался очень доволен удачею экспедиции. Наступила спасительная осень, прибыл граф Муравьев, и сразу же начались торжественные встречи, балы, обеды и награды... Среди всего этого кавардака мой ученый куда-то потерялся, и мы больше никогда с ним не встретились.

Но Судьба по-своему восполнила потерю: к великому изумлению и радости, я получил орден Святой Анны, и сам генерал лично вручил его мне... Неужели за искусанную рожу и отбитые ноги? Но, как бы то ни было, теперь в моей петлице красовалась почетная награда, и я безумно гордился собой!

«...Громов! Подойди-ка поближе, и сними шлем...»

Старый король, полулежа на подушках, поманил меня к себе. Я повиновался, гремя подкованными сапогами о камень. Нестерпимо зачесалось подмышкой, но рука наткнулась на металл.

«...Давно тебя не было, доблестный рыцарь. Я вижу, меч твой потемнел от крови врагов, а взгляд стал колючим. Я болен, однако власть моя еще сильна. Ты удостаиваешься Золотого Креста и титула Командора Восточной Империи! Я слышал, ты влюблен в мою дочь Изгольду? Теперь она станет твоею женой.»

Я рухнул на колени: «О, благодарю тебя, мой Король!... Служить тебе – мое предназначенье.»

«...Погоди-ка... Встань! Никто не может знать своего предназначения, – пробурчал Король, – и ты единственный, кто достоин руки принцессы, однако...»

«Однако?...»

«Ты должен будешь совершить еще один, последний подвиг.»

«Какой же?»

«Достань мне сокровище из страны Чень.»

*Мурашки пробежали по моей спине:
«Речь идет... о Священном амулете?...»
«Да, рыцарь, и только ты сможешь добыть его!»
«Но это же невозможно... Все знают, что его носит волшебный Змей!!!»
«Ну и что? Не мне тебя учить. Ты же не хочешь, чтобы твоими землями на Востоке
владела чешуйчатая тварь?...»*

На одном из балов Николай Николаевич подошел ко мне с загадочным видом:

– А вы, Андрюша, не придете ли ко мне завтра утром, часиков в восемь?...

Вот, думаю, еще одна награда... Что может быть бесчеловечней, чем поднять офицера в семь утра после бала?

На следующее утро с душевным содроганием, побритый и отутюженный, я стоял перед генералом, перебирая в уме разные страшные вещи... А ну, куда-нибудь в Камчатку курьером пошлют?!... Не приведи Господь.

Муравьев велел мне сесть и сам устроился напротив, внимательно разглядывая мое лицо, словно стараясь понять, стою ли я того, что он собирается предложить. Наконец, без предисловий он изрек:

– Давно я с вами хотел переговорить, Громов. Скажите... Не желаете ли вы заняться железом или золотом?

Мигом сообразив, что железные заводы находятся от Иркутска всего в трехстах пятидесяти верстах, в то время как известные крупные прииски – в полутора тысячах, я бойко ответил, что желаю посвятить себя железу. Что мне, как сыну знаменитого инженера и металлурга, похвально было бы пойти по стопам отца...

Муравьев резко встал и два раза обошел меня вокруг. Спина отчего-то вспотела, пока он кружился, как хищный ворон над зайчонком. Наконец, генерал остановился напротив и мягко сказал:

– Я все ж рекомендую вам заняться золотым делом.

Не успел я открыть рот, как он начал описывать нашу большую страну, несметность скрытых в ней богатств, верный успех дела, награды, хорошую пенсию и тому подобное... В пример привел горника Павлуцкого, открывшего громадные прииски Кару и Шахтаму. Да уж, хорошо слышан, знаю...

– Я считаю, что инженер, обладая научными знаниями, должен искать золото гораздо лучше, чем не обремененные разумом приказчики. А вы, голубчик?... Какого вы мнения?

– Так точно...! – тупо брякнул я и замолк, обескураженный собственной косностью.

...Голова вдруг словно набилась ватой. Генерал совершенно опьянил и увлек мой язвительный разум невиданными перспективами. И когда я через час уговоров сдался и объявил, что отдам предпочтение золоту, он утвердительно сложил руки на груди и произнес:

– Вот и славно... Поручаю вам управление поисковыми партиями в Нерчинском округе, где уже больше десяти лет инженеры ни черта не могут найти!

Я побледнел. В двадцать три года я стал управляющим сибирскими партиями?!

...Шел пятьдесят шестой год. Меня назначили чиновником особых поручений за две тысячи рублей жалованья, и велели неторопливо, но все же собираться...

Так я неожиданно, но радостно отдался желтому дьяволу. Судьба вновь увела меня от железных заводов, открыв невиданные перспективы, и наверняка уготовив такие же приключения.

Море

Все катилось своим чередом. Потихоньку стали заводиться нужные знакомства, я общался с золотопромышленниками, горными инженерами, много искал, и скоро стало ясно, что покорный ваш слуга полный чурбан в золоте... Пришлось изрядно поломать голову над новой грамотой, прежде чем я решился поехать в Сибирское царство металла, на Нерчинские заводы.

Как и предполагалось, прибытие мое не вызвало у местных инженеров ничего, кроме кривых усмешек. Мы, мол, сами ученые, и край знаем, как свои пять пальцев – нет тут ничего. Что это с Муравьевым, послал нам мальчишку со школьной скамьи, учить нас? Курам на смех!

Я скромно отвечал, что очень надеюсь на их содействие, и вместе мы достигнем общей цели. И вообще, без их советов я полный нуль. Про себя же обзывал их гномами и мысленно показывал язык...

Однако, несмотря на явную оппозицию, я с энтузиазмом взялся за дело. Мне дали планы всех приисков, лучших штейгеров и рабочих. Перво-наперво я занялся главными пунктами выходов золота на Шахтаме и Каре, изучая каждую мелочь. По науке россыпь целесообразно использовать, если содержание в ней золота не меньше трех золотников на сто пудов песка.

Мы с помощниками буквально летали по всему округу и всюду задавали по куче шурфов на каждую речную долину. Это была настоящая облава! Но Небо, увы, отвернулось от нас – золото пряталось, а Нерчинское горное правление неожиданно прекратило финансирование, и партии остановили работу... Более того, пока я был полон сил и энергии, мой ближайший помощник, инженер Мелехин, серьезно заболел сифилисом и навсегда оставил меня. Горники уже начали посмеиваться надо мной: мол, нечего было выпендриваться, только рабочих замутил, школяр!

Неудача за неудачей сильно ударили по самолюбию. Я не знал, что делать. Тогда в одну из нервных ночей я взмолился в черное небо, даже не Богу, а просто так... А потом заснул...

Приснились мне река и пустой шурф, в который я свесил ноги, уныло сидя на его краю. И явился вдруг тот мрачный юноша, что носил на себе старый сундук. От вида полуслепых его зенок моя кожа покрылась пупырыми страха, и я еле успел схватить брошенную мне монету... Не стал даже разглядывать ее, жадно зажав в кулаке – знал, что золото! Юный демон (демоном я его окрестил за странные острые уши) подошел к яме, заглянул в нее зачем-то, и хитро улыбнулся. Затем, показав мне указательный палец, он исчез. Проснулся я весь в поту. Зато утром пришло известие о том, что деньги на разведку, наконец, дали, и наша облава тайги возобновилась. Судьба подарила мне еще один шанс! Но что же значил этот палец?...

Я настойчиво искал, не давая продыху рабочим, однако воз оставался на своем месте. В довершении несчастий, Муравьев прислал нарочного, которому я должен был передать отчет о проделанной работе... Со стыдом писал я письмо, что трудимся исправно, рабочие не знают выходных, однако металл пока прячется. При одной мысли, что граф может усомниться во мне, становилось жарко и тошно...

Палец, палец... Может быть, это единица? Одно? Один? Вот загадка... Я, конечно, не особенно верил снам, но второй приход персонажа меня сильно озадачил. Мне явно показали что-то важное, но я не мог разгадать данного мне намека.

Вечером следующего дня меня осенило: один шурф! Может быть, это имел в виду мой странный юноша? Один шурф на одну долину? Выглядит вполне логично. Надо попробовать, это должно сэкономить кучу трудов и в несколько раз расширить облаву!

Сказано – сделано. Рабочие страшно обрадовались, так как им было проще переходить из долины в долину, нежели рыть проклятые ямы в больших количествах. После массы проделанных проб у меня сложилось стойкое убеждение: чем богаче россыпь, тем проще ее найти.

Для этого достаточно делать один шурф в одном русле. Если река богата золотом, оно себя обнаружит. Все гениальное просто!

Сделав столь ошеломляющий вывод, я бросил думать о мелочах и приступил к собственной системе поисков большого золота. Мы накинута сеть на огромный район, и судьба вознаградила меня за старания, открыв хороший пласт на Бальдже, левом притоке Онона. Мелкая, шустрая каменная река запомнилась мне на всю жизнь, как первый взлет удачи...

После этого, овеянный славой успешного золотоискателя, я тут же уехал в Иркутск, поджидая Муравьева из Петербурга. Здесь мне повысили чин, назначили будущую пенсию в шестьсот рублей, и велели отдыхать. Радости моей не было предела! Теперь я знал наверняка – сны бывают вещими. Но каков слепой предвестник... с виду страшен, а помощь оказал неоценимую, да в такой сложный момент. Смущало только одно обстоятельство – все получилось слишком легко. Ну и ладно. Не всегда же мне тащить тяжкую ляжку, да вверх по реке...

«...Вот тебе сокровище Чень! Я достал его! Мне пришлось идти целый год, но для Змея оказалось достаточно одной стрелы в глаз... Где моя невеста?»

Я швырнул под ноги королю маленький кожаный мешочек, в котором лежал непонятный амулет с изображением змеи, туго свернувшейся в кольцо. От мешочка пошел ядовитый дым, стража вздрогнула и оцетинилась длинными мечами...

Старик, погрузившись в мрачную думу, казалось, не обращал никакого внимания на принесенный дар, стоящий мне долгого и тяжелого похода.

«Мальчишка...» – прошептал он, глядя сквозь меня. «Неужели ты думал, что можно так легко справиться со Змеем?! Он обманул тебя. Ты украл у него жалкую безделушку, а он в отместку забрал мою дочь... Ты ведь только ранил его тело, забыв про волшебство его сути!»

Я молчал, подавленный новостью. Король поднял мешочек и вынул амулет из желто-черного камня, похожего на кошачий глаз:

«Отправляйся назад, сынок. Ты знаешь, что делать... Возьми это с собой – камень приведет тебя к главному змеиному логову...»

Не успел я немного расслабиться и отдохнуть на заслуженных лаврах, как генерал, вернувшийся из столицы, потребовал своего слугу к себе. Он торжественно объявил, что намерен послать столь удачливого охотника искать золото на Амур. Моей задачей ставилось основать там прииски, разработать их, а доходы употребить на обустройство далекого края.

О, наконец-то снова Амур! Как я мог отказаться!

Видя мое счастливое лицо, возрадовался и Муравьев, но не все оказалось так безоблачно... Я сразу попросил разрешения сосредоточить поиски в верхней части реки, где хребты еще не удалились на значительное расстояние, однако граф не согласился с моими доводами. Совет непреклонно решил послать меня в Приморскую область. Видимо, генерал еще точно не знал, какая часть Амура отойдет к Нерчинскому округу за разные услуги, оказанные в снаряжении первой экспедиции. Кроме того, и окончательного договора с Китаем тоже не было, а в Приморье мы уже сидели крепко, это была наша земля... Но я всем сердцем чувствовал, что ждут нас в том краю большие проблемы. Поэтому радость от скорой встречи с Амуром быстро поухнула.

Исполняя волю высокого начальства, и против желания, мне пришлось снаряжать горную партию на восток. Я взял всех прежних рабочих и штейгеров, уже проверенных в деле, и с первой же водой отправился вниз по Шилке. И хотя я плыл к океану, никто не мешал мне осматривать все по дороге – а это и составляло главный интерес в деле! Теперь я решил не упускать ни одной картины, которые предстанут передо мной по пути к Приморью.

Уже виденный ранее Амур теперь открывался мне с другой стороны. Мне нужны были знаки золота. Я все тщательно записывал и даже зарисовывал, благо делать все равно было нечего. Довольно скоро наше судно прибыло в низовья, и мы развернули лагерь. Рабочие начали методичную облаву. Но, как я и думал, местность, назначенная Муравьевым, мало что обещала в золотом плане. Несколько шурфов подтвердили это, и в конце лета я осел в тоскливом Николаевске, не зная, чем себя занять. Необходимо было идти вглубь тайги, навстречу ветвям гор, идущим от Хингана, но не было никакой возможности из-за отсутствия обоза и по причине наступающей осени, а за ней и зимы. Я собрал совет из наиболее опытных штейгеров. Мы долго думали, спорили, и решили идти в Удский край, ведь Уда течет почти прямо на запад, разрезая вилкою материк – значит, там есть шанс углубиться в горную страну. В Николаевске уже сидел губернатором мой старый знакомый Козакевич, он и выделил мне широким жестом парусник «Камчадал», на котором отправил всю команду, снаряжение и припасы в Удскую губу.

...Время для похода оказалось выбрано неудачно – в начале сентября в Охотском море начинается сезон штормов, однако деваться было уже некуда: штиль с зыбью, присущий морю в хорошую погоду, наш парусник не устраивал, а ждать слабого ветра в этих краях можно до второго пришествия. Я уже знал, что заход в реку Уду довольно опасен, и возможен в течение всего нескольких дней, в новолуние. Скорость воды в устье доходит до восьми узлов, при этом никаких опознавательных знаков на берегах не стоит, и судно легко может налететь на подводную скалу или мель. Кроме того, сильно похолодало. Но я надеялся, что все будет в порядке: шхуну управлял Кузьмин, лихой моряк и отличный мужик, любимый всей командой.

Однако, когда мы благополучно зашли в Аян и уже начали спускаться в губу, свирепый шторм все-таки догнал нас. Трое суток корабль избивало бушующей стихией, и в какой-то момент положение стало критическим – ураганным ветром вырвало носовой парус, а вода полностью заливала палубу и сбегала по трапам в каюту. В последний день капитан, весь мокрый, вбежал ко мне, держась руками за голову и крича: «Все кончено!!!...» Но на меня, уже двое суток лежавшего почти без сознания от морской болезни, этот пафос не подействовал. Я с трудом растянул губы идиотской в улыбке и прошептал: «Чему быть, того не миновать...» Мне уже хотелось умереть, лишь бы не чувствовать проклятой качки...

По счастью, через некоторое время отважным матросам удалось выволочь из трюма и поставить запасной парус. Наше бедное судно выправилось и стало осмысленно бороться с волнами...

Лишь на четвертые через сутки все стихло, и выглянуло солнце. Команда, измученная и уже распрощавшаяся с жизнью, выползла на палубу. Меня крутило и тошнило, однако вдаль уже виднелось устье Уды, и это прибавляло сил. Кузьмин взял курс вдоль берега, из-за чего мы потеряли еще один день, зато судно не так раскачивало. Держась за леер, я вдруг вспомнил, как еще вчера, лежащий на койке и помирающий от качки, я нестерпимо захотел увидеть шторм воочию, своими глазами. Может быть, мне хотелось напоследок увидеть лицо самой Смерти?... Позвав матроса, я с его помощью приподнялся на койке, немного посидел, приходя в себя, и вылез на палубу. Смотрел я недолго, но картина сильно впечатлила меня – наше суденышко, подобно тарантулу, спускалось с какой-то огромной темной горы в долину, а на таких же горах вокруг, на самых макушках, лежал снег... Брызги, срываемые ветром в гигантских валов, были похожи на снежный буран... При очередном спуске у меня началась рвота, и я с трудом добрался до койки. Шторм наглядно показал, сколь ничтожны людишки, по сравнению с лютой силой природы... Достаточно одной коварной волны, одного порыва – и конец честолюбивым помыслам! Мне подумалось: а много ли толку в горделивых планах, если жизнь гордецов полна опасностей и постоянно висит на волоске?...

Наутро все закончилось. Шхуна мягко уткнулась в берег, как ребенок в материнский живот. Обретя под ногами твердь, я постепенно приходил в себя... Мы обсохли и с удовольствием гуляли около парусника, любуясь утихшей природой и красивым приливом. Матросы штопали на берегу парус, а Кузьмин, сидя у костерка и слушая, как поет чайник, задумчиво чертил кораблики палочкой на песке:

– Я слышал, Андрей Николаевич, по Амуру народ уже вовсю плавает! Адмирал Путятин ходил в том году, а за ним двинулась наука, Шренк тунгусов наших изучал...

– П-фф – ответил я, – пусть теперь плавают, отчего же нет? Дорога открыта! Мы-то первыми шли.

– Ну, не совсем... И до вас там смельчаки были. Поярков, вон, когда еще ходил? Больше двух веков назад, почитай.

– Так он от Зеи ходил до устья, а не с верхов.

– А Васильев, ссыльный который? Вот уж авантюрист! Его маньчжурцы три раза ловили и нам возвращали. Мужика бы к науке исследовательской привлечь, в помощники кому дать, а мы его – в кандалы.

– Да, жаль его... У нас завсегда так. Но это еще что! Говорят, лет двадцать назад француз какой-то ходил на Амур, миссионер. Так его гольды слопали за милую душу!

– Не слопали, а убили! – вмешался исправник, шумно отхлебнув из кружки. – Выбили зубы и вырвали глаза, а тело оставили лежать на берегу, пока его волной не смыло.

– Господи, помилуй... за что ж они его так?

– Того не ведаю... Миссионерам во все времена изрядно доставалось. Не лезь в чужой монастырь!

– А что же туземцы Шренка не убили?

– Так он же академик, а не миссионер. Он только изучал все вокруг, а в душу не лез. Понимать надо!

– А-а...

Мы надолго замолчали, глядя на огонь. С моря дул легкий бриз, дышалось легко и славно, и работать совсем не хотелось...

Отдохнув, я вяло произвел исследование морского дна. В основном оно представляло собою породы, вынесенные из долины Уды. Своим помощникам я объяснил, что если Уда золотоносна, то при промывке здешних песков мы неминуемо должны получить черный шлик с золотинками, так называемые знаки золота. А если не найдем, то Уда не стоит нашего внимания, и даже если в ее притоках что и лежит, то настолько слабое, что не в состоянии дать о себе знать...

Я велел рабочим поставить походный вашгерд возле лужи, решив промыть пуда четыре камешков с песком. Получили мы массу шлихов и... ни одной пылинки золота! Вот неудача. Удский исправник, присутствовавший при процессе, был сильно удручен и потребовал повторить пробы, однако это ни к чему не привело.

Днем поднялся мерзкий ветер, и мы вынуждены были вернуться на судно. Пока я размышлял, что делать дальше, к нам неожиданно подплыла лодка, в которой сидели казак и тунгус. Прибывшие вызвались быть лоцманами в прибрежье за небольшую плату, и я с радостью согласился, так как меня занимали другие планы. Мы собирались бросить корабль и идти вверх по реке пешком, чтобы не терять драгоценного времени.

Пока гости под надзором исправника занимались шхуной, мы с командой перебрались на берег и пошли вверх по Уде, таща лодку с вещами и припасами на канате. Лодка, искусно выдолбленная из дерева и формой своей приуроченная к характеру реки, сильно облегчала нам путь... Но погода быстро портилась, а кое-где по берегам реки уже лежал снег. Холодная чистая вода Уды, рожденная ледниками на стыке хребтов Джагды и Джугдыра, вяло плеска-

лась о днище лодки, река почти на всем своем протяжении смирно текла по равнине, местами заболоченной. Мы очень спешили, и в итоге за три дня наш отряд отмахал восемьдесят верст. Рабочие, изрядно притомившиеся, первыми заметили церковь на пригорке, а за ней юрты и домики Удского острога. Здесь жили в основном ссыльные люди, которых сгоняли по Охотскому тракту.

Мы с удвоенной силой рванули, предчувствуя скорый отдых и тепло...

Удский острог

Моя экспедиция в эти края стала уже третьей по счету – ранее тут побывал граф Миддендорф, известный натуралист, и полковник Ахте, исследователь и топограф. Следы пребывания последнего сохранились в памяти многих жителей острога, а именно: священника-вдовца с дочерьми отца Николая, урядника с двумя казаками при нем, комиссара при магазине, фельдшера, сторожа церкви, одного крестьянина с семьей, трех ссыльных баб, двух якутов и нескольких окрестных тунгусов... Очевидно, полковник подробно и с упорной немецкой добросовестностью собирал сведения об этом крае. А больше развлечений тут не было, скукота цвела преизрядная, и наш приход немного оживил местное население.

Затяжные летние дожди не позволяют заготавливать в пойме Уды сено, поэтому в остроге паслось всего четыре рогатые скотины, а для еды откармливали лошадей. Жалкие огородики насытить своих хозяев не могут, но зато осенью в остроге начинается настоящий рыбий праздник: разнообразные кеты, горбуши, кижучи и чавычи стадами прут из моря, их ловят и вялят на зиму. Вместе с людьми рыбу ловят и братья наши кровные, обладающие ловкими лапами – медведи, рыси, да и скопа не побрезгует лишним раз спирировать за хвостом... После медвежьих пиршеств на тухлятинку сбегается всякая хищная мелочь; в общем, рыбой здесь кормятся все! Однако несмотря на то, что осенью в поселке плетни сплошь увешаны розовато-желтыми распластанными тушами лососей, и кажется, что нет им конца, к весне запасы все равно кончаются, и вновь наступает голод...

Я устроился в избе исправника, в выделенную мне комнату, и первым делом поменял рамы на американские, которые бережно вез с собой на шхуне, а потом и на лодке. Привычка обустроиваться с комфортом стала моей традицией, ведь после тяжких трудов и ночевок в лесах так хотелось нормально отдохнуть и жить по-человечески – на то она и цивилизация! До этого счастливого момента все окна в избе были обтянуты рыбьими пузырями, что не прибавляло ни света, ни свежего воздуха. Потом я достал и оживил походную печь, повесил на окна занавески, оклеил стены и потолок обоями, после чего расставил привезенную компактную мебель. Теперь жить можно!

Скука в остроге цвела страшная, морозы крепчали, и делать было решительно нечего. В избе я нашел старое ружье исправника, и разок сходил поохотиться на лису, с удовольствием разгадывая тонкие пунктиры следов мышкующего зверя... Лису я выследил, но стрелять не стал. Зачем?... Видел также много волчьих, оленьих и кабаньих следов, однако они меня не возбудили, и я вернулся в дом засветло, решив заняться чтением.

Уда быстро покрылась толстым льдом, и по ней вскоре приехал хозяин. Он изрядно подивился новшествам, медведем потоптавшись в моей комнате, однако я не дал ему много времени на размышления об истинном комфорте; пора было начинать действовать, пока морозы еще не вошли в полную силу. Пока исправник созывал народ, я проветрил и протопил избу, вскипятил самовар, выложил сахару, нарезал сала на сухари – пир, да и только! Затем вытащил бритвенные причиндалы и привел, насколько возможно, свое лицо в порядок. Скоро из зеркальца на меня уставились серые прохладные глаза, с ниспадающим на них изрядно отросшим русым волосом. Я внимательно осмотрел свое худое лицо, разрезанное мимическими складками вокруг рта, тонкокрылый нос, упрямые ровные губы, сизый подбородок и короткие рыжеватые усы. Сойдет! Бороду я брил принципиально – хотя зимой она защищает лицо от мороза, а летом от гнуса, я всегда старался выглядеть человеком, а не дикарем...

Мы собрались всем высшим светом острога: пришли урядник, исправник и священник, обсудить дальнейшие наши планы. После разговора со старожилками выяснилось, что самое разумное – отправиться в разведку на оленях, но раньше Рождества заполучить их вряд ли

удастся. Я заикнулся о лошадях, однако священник объяснил мне, что олени лучше и выносливее лошади, и сам он совершает на них многомесячные поездки по улусам да ярмаркам, в любую погоду. Зимой олени обгрызают ветки и лишайники со стволов, раскапывают в сугробах кусты, а чем же лошадей кормить собираетесь, почтенный Громов? Конечно, можно еще попробовать идти на собаках, да они только и умеют, что бежать по гладким рекам, к тому же юколы, сушеной рыбы, на них не напасешься!

Я спросил, ходят ли здесь тигры, но священник заверил, что в этом краю полосатых он не видел ни разу, тигры живут юго-восточнее, за Селемджой, а то и за Буреей... Однако тут же встрял исправник и заметил, что это не полная правда. Тигр – просто большая кошка, и так же любопытен. Одинокое самцы иногда забредают очень далеко от своих угодий в поисках приключений. Местные охотники рассказывали, что видели «амбу» даже за Становым хребтом, на Алдане! Но это большая редкость, конечно. Зато полно медведей.

– Ну, не к лицу таежнику косолапых бояться! – спокойно сказал я, прикуривая от свечки, – Угощайтесь, господа! Пока есть...

– Благодарствуем, Андрей Николаевич! – исправник запустил пятерню в коробку, вынул сигару, покутил ее в пальцах и понюхал...

– Ох, ну и запах! Божественно! Даже курить жалко... Вот вы умный, образованный человек, но только про мишек зря так говорите. Нынче лето сухое было, голодное, пожарное... и поползут шатуны. Медведь, между прочим, опаснее тигра! У кошки все на лице написано, на ушах, а у медведя морда неподвижная, глазки маленькие... поди, разбери, что у него там в башке!

– От медведя ведь можно убежать, а вот от тигра вряд ли.

– Не смешите, голубчик! Здоровый медведь бежит быстрее паровоза! Правда, недолго, но догнать успеет... Здесь звери ходят большие, не в пример сибирским. Здоровушие!

– А на дерево хоть от него можно удрать?

– Смотри, а какое дерево, да и какой медведь! Старый не полезет, а трехлеток запросто, если дерево голое.

– Это как же голое?

– Ну, если не слишком сучковатое. Сучки ему зад колют... У мишек зад – наичувствительная часть!

– Значит, достаточно дать ему пинка, – небрежно сказал я, и все засмеялись так, что зазвенело стеклышко в раме.

– ...так что же сучки?

– Лезть ему мешают, вот что! Да и ненадежные они, под такой тушей вмиг ломаются. Попробуй-ка на месте зверя забраться, скажем, на старую ель! Она сама, как чаща! Каково?

– Выходит, на елке человеку самое спасение. Ну, а для собак лучше уж медведи, чем тигры. Говорят, псы от одного запаха желтой кошки чуть ли ни в обморок валятся.

– Может, и так, но мишка все же страшен. Если он после Воздвижения не залег – жди беды... Начнет шататься, как злой дух, ему все впрок. И собака, и человечинка... Настоящий стервятник! Не приведи Бог столкнуться...

– Чего же он шатается, горемыка?

– Вот и спрашивайте Егора Тимофеича, он все знает!

Исправник задумался, потом с важным видом изрек:

– Ну, это просто. Не доел грибов-ягод, орехов разных, да на реке неловок оказался. Попробуй такими когтищами рыбу зацепить! У здорового лапа гибкая, а ежели медведь хворый? Вот жира и нет... Какая тут лежка, все время жрать охота! А может, черви под шкурой завелись. Сказывают, спать им эти черви не дают, такие медведи средь зимы из берлоги вываливаются, и беду чинят. У нас в округе не тигров бояться надо, а этих стервятников!

– Черви, значит... Вот оно как.

Погалдев и напившись чаю, гости разошлись. К единому мнению мы так и не пришли. Немного подумав, я решил привезти сюда провизию на собаках, собрать у тунгусов хотя бы несколько оленей, и уже потом на них развезти припасы по тайге, к шурфам. Исправнику Егору был отдан наказ на Рождество закупить большой оленный обоз, нагрузить всем необходимым и послать ко мне в тайгу. Дело не терпит!

Мною были куплены собаки, и вскоре мы выступили вверх по реке Мае, одному из крупнейших притоков Уды, до Чайдахи. Шли плохо, и мне пришлось заречься делать собачьи караваны – им для бодрого бега нужен лед, а выпало много снега. Чертовы собаки вязли по самое брюхо, виновато скуля, и с большим трудом тащили сани с поклажей. В результате до нужного места я шел больше недели, в два раза дольше запланированного срока.

Замороженная река петляла в причудливых скальных берегах, обнажая местами выходы белого мрамора. Молоденькие пихты, сосны, лиственницы и ели живописными рощами торчали по берегам, приятно лаская глаз всевозможными зелеными оттенками. За рощами виднелся бескрайний старый лес, покрывавший высокие хребты... Весной, наверное, река эта бешенная, особенно в верхушках, только берегом и пройдешь... Однако торных троп здесь отродясь не водилось, и представляю, каково смельчакам, рискнувшим пойти что по Мае, что вдоль! Интересно, а не придет ли в далеком будущем каким-нибудь дурачкам мысль просто так прокатиться по этой дикой реке? Для получения острых ощущений? Нет, невозможно... Так гробить себя можно только ради металла.

На реке мы вырыли землянки и начали осматриваться. Голодные тунгусы, чуя награду, стекались к нам со всех сторон, сообщая сведения о расположении рек, притоков и хребтов. Я накидал карту, по которой избирались речки для шурфовки. Началась облава местности, а вместе с ней в край пришли свирепые морозы...

Однако горы и породы тут были не те, что в Сибирских системах, и я сразу понял, что надежды на успешный итог мало. В результате ямы копались не для того, чтобы искать там золото, а для подтверждения заключения, что его искать здесь не стоит. За три месяца зимы все окрестности Маи, там, где она выходит из Станового хребта и Хингана, были осмотрены и забракованы мною. Ничего не оставалось, как перевалить в бассейн Зеи; может быть, счастье улыбнется там?

Проводников идти на Зею я нашел из местных, всех собак вернул за ненадобностью, и сел ждать олений обоз из Удска. Как ни странно, обоз пришел вовремя, как было велено, и в феврале, благословясь, мы тронулись в путь.

Караван наш состоял из полусотни отборных оленей. Стояли сильные морозы, и было так трескуче и прозрачно ясно, что солнце ослепляло глаза. Казалось, его лучи несут живительное тепло, но это обманчивая теплота. От людей и животных валил пар, и дыхание тут же превращалось в сосульки на одежде и шкурах. Все мы были одеты по-тунгусски – в кожаных штанах, коротеньких оленьих дохах, меховых шапках и ошейниках. Такой костюм очень легок и необычайно удобен для зимних таежных передвижений. Выходили мы обычно утром, когда над горами поднималось солнце, ловили и треножили своих оленей. Затем, отогревшись и поев, обвешивали животных, снимали кожаные юрты и ехали до солнечного заката, часов до пяти. Выбрав хорошее кормовище, мы останавливались, развешивали наш копытный транспорт, и лишь потом занимались хозяйством: ставили юрту-урасу, рубили строевой лес на дрова, разгребали снег для огнища и устилали хвойными ветками места для ночлега. Окончивши эти занятия, все усаживались вокруг огня и согревались. Мои люди снимали с себя для просушки заледеневшие ошейники и шапки. Потом, расстегнувшись нараспашку и поджав ноги по-тунгусски, весело болтали в ожидании сухарей и чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.